

Сергей Нохрин

Нохрин Сергей Назарович (22.07.1958 – 13.06.2001) родился в Тюмени. Мать – Нохрина (Рычкова) Людмила Емельяновна, отец – Нохрин Назар Агапович. В 1959 г. семья переехала в Свердловск. После окончания средней школы № 37 четыре года отработал на Свердловском электромеханическом заводе в слесарном цехе, получив 4-й разряд слесаря (1975–1979 гг.). Лауреат Первого областного фестиваля авторской песни (1976 г.). После окончания дневного отделения факультета журналистики УрГУ (1979–1984) отслужил в танковых войсках в звании старшего лейтенанта (1984–1986). После армии работал в редакциях разных городских газет и журналов, на радио и телевидении, снимал неигровое кино, писал стихи, публикуемые в местных журналах. На Всесоюзном фестивале поэтических искусств «Цветущий посох» (Бийск, 1989) удостоен экзотического титула «Махатма российских бардов». Был одним из основателей общественной организации «Союз бардов Свердловской области». Окончил Высшие режиссерские курсы при Госкино (Москва, 1994). Был автором сценариев и режиссером неигровых фильмов. Его фильм «Революция на Урале» получил приз международного жюри «Кентавр» на фестивале неигрового кино в Петербурге (2000). Автор поэтического сборника «Чипчиром» (1994), магнитоальбомов «Города», «Ивановская горка», «Черный агат», «Снежный романс». Был дважды женат: в 1980 г. – на Марине Игоревне Тарабукиной (сын – Евгений Нохрин, 1981 г.р.; дочь – Ксения Тарабукина, 1983 г.р.). В 1991 г. – на Анне Львовне Мясниковой (сын – Александр Нохрин, 1994 г.р.). Участник АСУП-2. Жил в Свердловске (Екатеринбурге), где умер 13 июня 2001 г. от разрыва аорты. Похоронен на Широкореченском кладбище. Постерно усилиями вдовы поэта (А. Мясниковой) был выпущен двухтомник произведений С. Нохрина (Екатеринбург, 2008).

Филологическая маркировка стихов С.Н.

Традиции, направления, течения: романтизм, поэзия мысли, обэриу, авторская песня, рок-поэзия, поэты-иронисты, постмодернизм.

Основные имена влияния, переключки: Ф. Вийон, А. Блок, И. Иргеньев, В. Вишневский, А. Башлачёв, В. Мишин, М. Щербаков.

Основные формальные приемы, используемые автором: песенность, разговорность, звуковая игра, автобиографизм, сюжетность, мягкая ирония, юмор, ситуативное моделирование, аллюзивность, реминисценции, элементы ролевой лирики, выпуклая живописная образность, гротеск, каламбуры, гипербола, обман читательского ожидания и др. приемы комического, примитивизм, обнажение приема.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: городская тематика, Россия и русскость, поддержка ментальных стереотипов, непостижимость простого («посмотришь – вроде всё понятно, а до конца постичь нельзя»), алкоголь, отцовство, размывание времени в пространстве, свобода безоглядного вольного слова, обценная лексика, оппозиция замкнутости и конечности земного бытия и «жизненности» жизни, жизнь в предощущении смерти.

Творческая стратегия: лирико-юмористическая, нарочито упрощенная и заземленная, но пронзительно честная авторефлексия как способ фиксации индивидуального существования и преодоления энтропии.

Коэффициент присутствия: 0,38

С.Н., июнь 1962 г.

АННА МЯСНИКОВА О С.Н.

Он вошел в проем аудитории, где наш курс ожидал преподавателя истории КПСС. Взгляд его был устремлен куда-то вверх, за предел этих серых стен, будничных проблем и, казалось, всего земного. «Ангел!» – озарило меня. Странно, что до сих пор я не замечала этого удивительного великана, которого все называли необычным именем Нохрин.

Сережа к тому времени имел четырехгодичный заводской стаж, звание лауреата Первого областного фестиваля самодеятельной песни и красавицу подругу, в однокомнатной квартире которой фактически и проживал. Интересно, что художница Марина, с которой его еще до университета случайно познакомили приятели, оказалась дочерью известного свердловского журналиста Игоря Тарабукина, остросатирические басни и эпиграммы которого ценил сам Аркадий Райкин и публиковал центральный журнал «Крокодил». «Отец тоже писал стихи, – делилась она со мной уже после Сереежиной смерти. – И, тем не менее, мы с братом имели в детстве все, что необходимо для развития, включая настоящий микроскоп! И если бы не дети, наш брак вряд ли бы распался».

Может быть, но я с самого начала считала его ошибкой, поскольку образ «мужа» с Сереежиным образом у меня вообще не вязался. Муж – это мой блистательный папа: коренастый и мускулистый, энергичный, волевой и целеустремленный, требовательный и обязательный, амбициозный и предприимчивый, в костюме и при галстуке, с голливудской улыбкой и твердым голосом. Крепкий хозяйственник, умелый организатор, заботливый руководитель, мечтатель и оптимист. Слезинки не уронит. Задумает – сделает. Пообещает – выполнит. За жену убьет. За трех дочерей жизнь отдаст. Настоящий глава семьи, истинный Лев, а точнее Лев Иванович, как бодро он представлялся по телефону. Он всего в жизни добился сам и из нас старался людей сделать. Но меня, увы, с детства угнетала его авторитарность и морализаторство.

Сережа был полным папиным антиподом, за исключением непритязательности в быту и сближающего их творческого начала. «Что останется после нас? – задумчиво произносил папа, перебирая в трико и майке клавиши пианино, за которое посадил меня в три года. – Всё когда-то обратится в прах... Но вот если сочинить песню... такую, чтобы ее исполняли... считай, ты уже остался в истории...». Сережа к тому времени сочинил много песен, и это вызывало у папы огромное уважение.

Мама, Людмила Емельяновна

А когда папы не стало, Сережа придумал для надгробия эпитафию: «Есть вы, опора и залог того, что я вернусь обратно». Мне кажется, он очень точно сформулировал папино заветное желание. И, может быть, не только его.

(...) По воспоминаниям классной руководительницы Сережа был добрым и спокойным мальчиком, в учебе не выделялся, играл на гитаре в школьном ансамбле, а в старших классах профессионально занимался хоккеем в спорткомплексе «Юность». «Представляешь, какие бы я сейчас бабки получал в Канаде», – вздыхал он в голодные 90-е, наблюдая по телевизору хоккейный матч и перечисляя известных игроков, в одной команде с которыми подавал когда-то большие надежды. Но тренировки с утра до вечера полностью исключали школу, и пришлось от них отказаться, заменив пустоту сигаретой. Осталась только походка левым плечом вперед, командный дух и воля к победе.

В начальных классах он с огромным желанием занимался спортивной гимнастикой, пока тренер не сказал ему больше не приходите, потому что гимнаст с тяжелой костью неперспективен. Как он плакал! Если бы не дед (Емельян Васильевич), проживавший с бабушкой (Ольгой Ивановной) последние годы жизни с ними в одной трехкомнатной хрущевке, рыдания могли затянуться до

вечера. Но дед Емеля – высокий, добрый, доверчивый, с тремя классами образования, но большим жизненным опытом и простой житейской философией быстро находил успокоительные слова. Он вообще класса до седьмого, пока родители трудились, был основным Серезиным собеседником. А поговорить он любил: о Первой мировой, о гражданской, в которую был то красным, то белым; о том, как бегал к девкам из своей деревни Поньлки Пермской губернии в соседнюю Тренино и нашел там себе невесту Олю – по фамилии, как и он, Рычкову; как 13 детей с ней народил (жаль, выжило лишь пятеро, в том числе мама, младшенькая, что появилась на свет в 1932 году, в Губахе); как в Великую Отечественную заведовал динамитным складом на шахте Первомайская, а после войны – сторожем в Салехарде, куда переехали к сыну; про Молдавию, куда перекочевали потом к старшему Семену... Дед был человеком легким, к невзгодам относился философски беспечно, по врачам не ходил. «Какая еще язва! – восклицал он. – Пусть кур не смешат! Пожил, слава богу! Поцупал баб на своем веку – и хватит. Знаю я, какое мне лекарство поможет!». А как-то перед сном, удаляясь в спальню, заявил: «Все, ребята, пока! Не поминайте лихом. Помру сегодня ночью», – и помер. Мне кажется, в некоторых Серезиных стихах я слышу его интонации. Во всяком случае мне понятно, откуда в них эта генетическая крестьянская и солдатская память.

(...) Сереза, несомненно, был самородком, не отягощенным теорией и практикой литературных кружков. Но, наверное, это и к лучшему. Процесс творчества был для него настолько интимным, что любое замечание воспринималось бы, наверняка, болезненно. Во всяком случае, его всегда раздражала собственная поспешность, с какой он мог продемонстрировать мне свежий стих, если я находила в нем изъян. «Зарекался же не показывать сырую вещь!» – досадовал он, а я вспоминала ранее непонятную мне фразу: «Жениться на журналистке или филологине равносильно самоубийству». Поэтому я предпочитала, чтобы вопросы литературы, поэзии и кино он обсуждал со знакомыми. Моего совета Сереза спрашивал только по поводу исполнения песен, поскольку доверял идеальному слуху и немного комплексовал из-за своего отнюдь не эстрадного голоса. Для меня же всегда было загадкой, как он, до 22 лет не знавший нот, мог сочинять такие интересные мелодии и мгновенно транспонировать аккомпанемент в любую тональность. Качество своих текстов он обычно проверял на публике. Если одобрительно кивают или смеются, значит, попал в точку. «Ты не представляешь, какой это кайф, когда тебе в такт огромная гора, на которой сидят

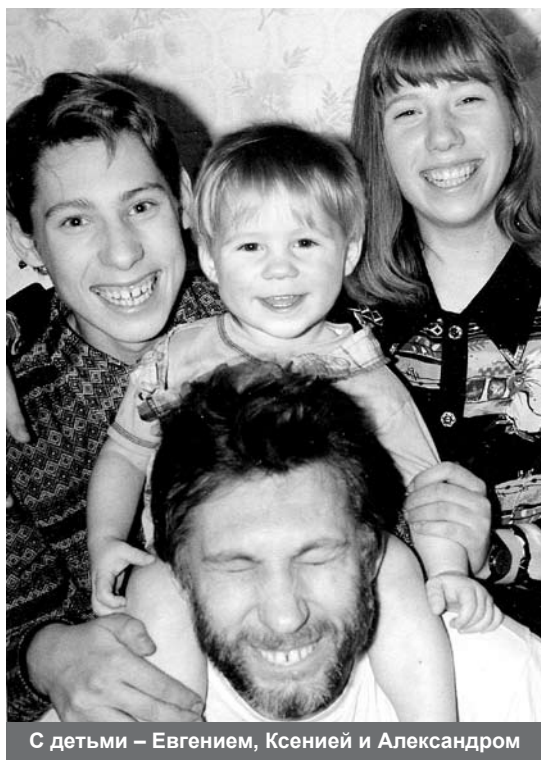
сотни зрителей, начинает пульсировать фонариками!» – светлея лицом, вспоминал он свою первую победу на фестивале.

Он постоянно приносил домой какие-то книжки, авторские тексты и тщательно их изучал. Чтобы поведать миру о творчестве коллег, он вел в местных газетах поэтические рубрики. При любой возможности организовать концерт собирал разношерстную команду авторов-исполнителей и расписывал конференс. Он никому не завидовал и ценил мнение друзей, состоящих в основном из журналистов, филологов и художников. Но, пусть простят меня ушедшие и ныне здравствующие (Соловьев, Измайлов, Анчугов, Пятков, Первалов, Казарин, Касимов, Махотин, Балезин, Беликов, Дрожащих, Асланьян...), такого единения, как с Шурой Башлачевым, ни до, ни после я не наблюдала.

Маленький щуплый Башлак, вечно дрожащий от холода и любивший вздремнуть на теплой кухне, и могучий Нохрин, грузивший в бескрайних колхозных полях машины мешками картошки, впились друг в друга с такой жадностью, что меня просто не замечали. На полуслове они подхватывали мысли друг друга и, как дети, смеялись от этого. Они испытывали такой драйв от своих шу-

С.Н. и А. Башлачев, 1981 г.

С детьми – Евгением, Ксенией и Александром

ток и так заразительно пели хором, что ночь превращалась в непередаваемое пиршество духа, по сравнению с которым меркли все удовольствия земного мира. Творческим кумиром у Шуры был Маяковский, а «главным учебным пособием», как мне показалось, – его труд «Как делать стихи». По цепкому взгляду Башлака было видно, насколько для него это серьезно – владеть секретами мастерства. Сам не понимая того, он уже готовился к своему главному рынку, стремительному и трагическому, а потому впитывал все, что касается стихосложения. Он любил Сережины песни и некоторые, смакуя, исполнял сам, а к сочинению дурашливой стенгазеты «Козье буго», над выпусками которой они «угорали» по ночам, сотрясая смехом стены дощатой столовой, и к написанию шуточных рок-опер на мотивы популярных мелодий, он относился не менее серьезно, чем к своей дипломной работе.

...«Шурка! Дурак! – рыдал Сережа в феврале 88-го и бился головой о подушку. – Так нельзя! Нельзя!!!» Самоубийство Башлачева совпало с Марининым днем рождения. Не знаю, что уж произошло у них там дома, но только после этого Сережа впервые ушел из семьи. Через шесть лет новоиспеченный отец поэт Юрий Казарин, повстречав на улице новоиспеченного отца поэта Сергея Нохрина, загадочно спросил: «А знаешь, как я сына назвал?». «Нет», – засмеялся тот. «Михаил Юрьевич!» – многозначительно произнес

уральский классик, и оба расхохотались. «Но я своего назвал круче! – вдруг огорошил Казарина Нохрин, поскольку круче, казалось, было уже некуда: – Александр Сергеевич!». И только я знаю, что Пушкин тут совершенно ни при чем.

(...) Что бы ни происходило в мире и на душе, отношение Сережи к родителям всегда было трогательно-бережным, а поводами для посещения отчего дома – события исключительно позитивные: публикация нового очерка, возвращение из поездки, выпуск очередного фильма, предстоящий концерт, на который обязательно следует пригласить родителей, праздничная дата... Будто не существовало в его жизни бесконечной череды проблем и все чаще возникающей глубинной депрессии.

«Привет, папочка! Привет, мамочка!» – целуя родителей, появлялся он на пороге и наполнял дом новостями. Главным его почитателем и слушателем была, конечно же, мама. Пока непоседливый Николай Агапович, до пенсии руководивший на заводе профсоюзом, а в семье отвечавший за доставку продуктов, оплату коммунальных платежей и посещение официальных инстанций, шинковал лучок, чистил селедочку и суетливо накрывал стол, не особо вслушиваясь в разговоры по причине небольшой глухоты, скромная Людмила Емельяновна с неизменным блеском в глазах живо внимала Сережину повествованию. Выражение ее лица не скрывало радости за сына, а активные уточняющие вопросы выказывали неподдельный интерес и понимание. Несмотря на математический склад ума, уникальную способность перемножать в уме трехзначные цифры, красный диплом кредитного факультета Московского финансового института и двадцатилетний стаж в должности главного экономиста завода, она неплохо разбиралась в гуманитарных вопросах, много читала, следила за новостями и с детства была для Сережи благодарным собеседником. С его подачи она слушала записи популярных рок-групп, восхищалась Высоцким, читала Солженицына. Но любимым ее певцом был Александр Малинин, внешне походивший на нее даже больше, чем родные сыновья. Когда он появлялся на экране, она с влюбленной улыбкой замирала у телевизора. Я не переставала удивляться тому, как оживлялся Сережа в разговоре с ней, как охотно объяснял то, что, на мой взгляд, объяснений не требует, как внезапно озвучивал свою осведомленность и заинтересованность в решении бытовых вопросов, которые на самом деле были ему в тягость. Пожалуй, столь приподнятое настроение на фоне обычной его сдержанности случалось лишь во время дружеских посиделок, с той лишь разницей, что в родительском доме го-

рячительный допинг для этого не требовался. Не удивительно, что духовная связь с матерью, характерная, говорят, для родившихся в знаке Рака (а Сережа родился к тому же еще и в «рубашке»), не могла не отразиться на его творчестве.

(...) Помню, как возвращались на троллейбусе от родителей первый раз. Сережа тогда еще не развелся, но перенес ко мне в деревянный дом на Гоголя сумку с пожитками. На дворе перестройка – вольница духа, а после армии она вообще как глоток свежего ветра: друзья, командировки, выставки, «квартирники»... Корабль только сорвался с якоря, и мой причал у него, скорее всего, не единственный. Поэтому, бывало, сутками я ждала знакомого стука в стекло. Сережа появлялся обычно ночью. Мокрый от дождя или снега, но счастливый. Летом он влезал прямо в окно, которое я не боялась открывать на ночь. Буфет с выдвижной разделочной доской и умывальник я разместила в крохотной прихожей у печки, освободив комнатку, где Сережа мог писать: письменный стол, диванчик, шкаф. Это был его первый и последний угол, который не надо было делить с братом, с детьми, с женой, и он его очень любил. Это вообще было самое счастливое время в его поэтической биографии, увенчавшееся сборником «Чипчиром» и нашей свадьбой (кстати, по его предложению, о чем я иногда садистски напоминала). Но иногда он пропадал надолго, и я, не находя себе места, жутко стесняясь прохожих, шла к телефонной будке. Звонила всем подряд: Соловьеву, Анчугову, Перевалову... Когда поиски были тщетны, а нервы на пределе, – садилась на трамвай и с пересадкой на троллейбусе добиралась до его родителей, которые принципиально (единственные в подъезде) не ставили телефон – чтобы их не беспокоили. Я настолько за него боялась, что до сих пор вижу сны, как он где-то умирает, и надо его спасать. А, может, он на меня обиделся и не хочет возвращаться? Но почему так долго: год, пять, десять лет? Это невыносимо. [...]

«Только давай будем свои проблемы решать сами, не беспокоя предков», – возвращаясь тогда со мной от родителей впервые, осторожно произнес Сережа. О чем это он? Проблемами я в жизни никого не грузила, справляясь с ними самостоятельно, а на тот момент вообще имела лишь одну большую проблему – областную детскую газету «Честное слово»... Проблемы начались, когда родился больной Сашка, газету мою закрыли, все деньги съел МММ, а Сережа, наступив на горло собственной песне, вынужден был вернуться из Москвы, отказавшись от выгодных предложений с центрального телевидения. Мы столкнулись с шестилетним испытанием бытом, безденежьем, безработицей, безысходностью. Пророчество

студенческой Серезиной фразы сбывалось: «Ты меня спасешь, но ты меня и погубишь». Но я уже ничего не могла поделать.

...«Тебе только ребенок был нужен! Мне все сказали!» – с яростной обидой врывается он в квартиру от неизвестных доброжелателей.

...«Я не могу без любви!» – ревел он в два часа ночи, когда, сменив Сашке мокрые пеленки, я ставила будильник на четыре, чтобы приготовить в садик гипоаллергенную еду (только на таких условиях нас взяла заведующая на другом краю города).

...«Я торчу! – в пьяном бреду ухмылялся он, гремя на кухне посудой. – Моя баба – с другим хахалем! Ну, молодца!»

...«Мне плохо! – держась за сердце, шептал он у порога на табурете. – Кроме вас, у меня никого нет». [...]

...«Ну, что? Все хорошо? Все нормально?» – бодро приветствовал нас с порога дед Коля и сам себе отвечал: – И мы, спасибо, потихоньку-помаленьку, слава богу!».

Родом Николай Агапович из Тюмени, из большой семьи, в которой был девятым ребенком. Хозяйство раскулачили, забрав скот и зерно, отца репрессировали. Служил на морфлоте, работал в комсомоле, играл в самодеятельном театре. Сразу после рождения первенца перевез семью в Свердловск. До перехода на завод «три тройки» работал воспитателем в Суворовском училище. Из-за потерянных метрик не знал точной даты своего рождения, поэтому отмечал по паспорту – 1 ян-

С женой Анной и сыном Александром

варя 1931 года, и после каждой новогодней ночи нам приходилось с больным ребенком тащиться через весь город, чтобы поздравить деду Колю с днем рождения. Но самой примечательной его чертой была удивительная забота о супруге.

«Женщина должна быть женщиной! Ласковой, нежной, матерью!» — объяснял он мне как-то под хмельком, провожая под ручку до остановки. — А этих, — он вырвался из рук, чуть не упав, — мужиков в юбках, которые руководят и шашками машут — не люблю! Женское дело — это дети, внуки... — успокоился он и вдруг доверительно прошептал: — Это ведь я Люсю такой сделал! Я же ее из очень плохой семьи взял... Нехороший Емелька был, нехороший...»

Эстет и театрал, Николай Агапович по молодости водил жену по театрам, давал ей возможность читать и вышивать, заниматься детьми до достижения ими трехлетнего возраста, а потом и внуками. Ежедневно под ручку они шли до заводской проходной, а вечером так же дружно возвращались обратно. Он сам бегал по магазинам, готовил еду, мыл посуду и неизменно рапортовал с родительских собраний, на которые принципиально не пускал жену: «Все в порядке! Все слава богу! У Сережки! У Женьки! Школа цела!». И детей приучил мать не расстраивать. Ни при каких обстоятельствах.

...«Так, Аня, давайте-ка домой, — выпроваживал он меня на мороз с полторагодовалым Сашкой, когда, возвращаясь с тюками вещей из месячного стационара, мы зашли к бабе с дедой, чтобы дождаться Сережу. — Мы так не можем! Завтра 8 Марта! Людмиле Емельяновне нужен отдых!».

Последний снимок

...«Хороший винегрет, — одобительно кивал он, разглядывая содержимое тарелки на Сашином дне рождения. — Меленько нарезано». Еще бы! Сеточкой для яйца по-другому и не бывает. Я навсегда запомнила эту похвалу, как и единственный, помимо видеокассеты с мультиками, подарок нашей семье — книжку «Конек-горбунок», которую впоследствии попросили вернуть, ибо «она дорога как память» первому внуку Жене, которому была подарена до нас. Ну, да ладно! Я же понимала, как много сил и средств уходит на других внуков, пропадающих у них каждые выходные и каникулы. Но почему они не звонят нам даже в Сережин день рождения и каждый раз имениннику приходится ехать к родителям, я понять никак не могла.

...Когда Сереже исполнялось 40, я предупредила их, что широко отмечать эту дату — плохая примета. «Только свои, только свои будут», — запричитали родители. В итоге за праздничным столом сидело 12 человек. На Сереже не было лица. Как сейчас, слышу его тост: «Дорогие мамочка, папочка, родные! Спасибо, что пришли. Вот мне и стукнуло сорок. Возраст подводить итоги, — тут голос его непривычно задрожал. — Никогда, никогда не думал... Не здесь я должен бы быть сейчас... Не об этом мечтал... Не к этому шел... — он еле сдерживался. — Но вот я здесь. А вокруг вы, мои милые, хорошие...» — Он почти плакал.

«За именинника! — зазвенели бокалы. — Ну, будь здоров! Не болей!»

...«Коля, успокойся! Я уже бегу! Анята пришла!» — спешно докладывала супругу по телефону баба Люда, сидевшая по нашей просьбе с заболевшим Сашкой. Она, как обычно, уже в перчатках, сапогах и одной ногой на улице. Значит, опять не поговорим, как договаривались. Значит, опять не узнает... Не хочет знать... Я в отчаянии. [...]

...«Нет! Людмила Емельяновна не может подойти к телефону! Она себя неважно чувствует. Что значит, Сереже плохо? Уж насколько Марине было тяжело, и то не жаловалась! Давай уж как-нибудь сама. Не маленькая! Будь здорова!»

...«Коля, перестань! Ну, когда еще поговорить, как не сейчас!»

«Люда, пойдем! Пойдем отсюда немедленно! Нам еще огурцы поливать!» — это уже на кладбище.

Екатеринбург, 31.12.1012